

УДК 94(47).084.8.

UDC 94(47).084.8.

07.00.00 Исторические науки

07.00.00 Historical Sciences

**МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ В
ПОЛИТИКЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА СРЕДИ
ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1942-1944
ГГ.****MUSLIM HOLIDAYS IN THE POLICY OF THE
THIRD REICH AMONG THE MOUNTAINEERS
OF THE NORTH CAUCASUS IN 1942-1944.**

Татаров Азамат Амурович
аспирант
SPIN-код в РИНЦ: 5300-7869
Электронный адрес: traveller9090@mail.ru
*ФГБОУ ВПО, Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик, Российская Федерация*

Tatarov Azamat Amurovich
postgraduate student
SPIN-code in SCIENCE INDEX: 5300-7869
E-mail: traveller9090@mail.ru
*Kabardino-Balkarian State University named after H.
M. Berbekov, Nalchik, the Russian Federation*

В статье рассматривается место мусульманских праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам в политике фашистской Германии среди горцев Северного Кавказа. Реализуя «северокавказский эксперимент», основанный на спекуляции издержками довоенной политики советской власти, оккупационный режим определил исламским праздникам особую роль в демонстрации своих «благих намерений» и пропаганде среди горцев. Авторская концепция основывается на тезисе о том, в условиях немецко-фашистской оккупации горских областей мусульманские праздники, отличавшиеся сильным внешним содержанием, стали частью не только религиозной, но и этнополитической, социальной и экономической политики Третьего рейха и служили средством «политического обеспечения» фашистского господства в регионе. На основе архивных документов и материалов берлинской газеты «Газават» автор раскрывает предпосылки, ход и последствия празднования Ураза-байрам и Курбан-байрам на оккупированном Северном Кавказе в октябре и декабре 1942 г., а также место исламских праздников в антисоветской пропаганде среди горцев в частях вермахта. Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что именно в 1942-1944 гг. мусульманские праздники входили в арсенал политики Третьего рейха среди мусульман Европы, Северной Африки и Ближнего Востока

The article considers the place of Islamic festivities of Eid al-Fitr and Eid al-Adha in the policy of Nazi Germany among the North Caucasus highlanders. Implementing “The North Caucasian experiment” based on speculation costs in prewar policy of Soviet power in the North Caucasus, the occupation regime has identified Islamic holidays a special role in the demonstration of “good intentions” and propaganda among highlanders. The author's concept is founded on the premise that under Nazi occupation of mountain areas Muslim holidays, with a strong outward expression, became a part of not only religious but also the ethno-political, social and economic policies of the Third Reich and served as a means of “political security” for Nazi rule. Using the archival documents and materials of the Berlin newspaper “Gazavat”, the author reveals the background, course and consequences of celebration of Eid al-Fitr and Eid al-Adha in the occupied North Caucasus in October and December 1942 and the place of Islamic holidays in Anti-Communist propaganda among highlanders in the Wehrmacht units. The chronological scope of the study is conditioned by the fact that it was during 1942-1944 the arsenal of policy of the Third Reich among Muslims in Europe, North Africa and the Middle East included Muslim holidays

Ключевые слова: ИСЛАМ, УРАЗА-БАЙРАМ, КУРБАН-БАЙРАМ, ФАШИСТСКАЯ ОККУПАЦИЯ, «СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ», «ГАЗАВАТ»

Keywords: ISLAM, EID AL-FITR, EID AL-ADHA, NAZI OCCUPATION, “NORTH CAUCASIAN EXPERIMENT”, “GAZAVAT”

В истории ислама на Северном Кавказе период Великой Отечественной войны занимает особое место. Используя религиозный фактор в стратегии ведения войны, Третий рейх позиционировал себя среди северокавказских мусульман на оккупированных территориях и в

частях вермахта как освободительную силу. При этом особая роль в этой политической игре Берлина определялась двум главным мусульманским праздникам – Ураза-байрам и Курбан-байрам.

В постсоветский период праздник окончания поста Ураза-байрам и праздник жертвоприношения Курбан-байрам (другое название – Курман-байрам) являются одними из самых значимых событий в республиках Северного Кавказа. Интересно, что мусульманские праздники даже в условиях советской политики «воинствующего атеизма» не всегда находились под идеологическим прессом.

В 1920-х гг. народная популярность праздников разговения и жертвоприношения не расценивалась советской властью как проявление власти исламских авторитетов. В то время как коммунисты в горских селениях обсуждали «засилье мулл», строили планы по превращению мечетей в сельские клубы, в горских автономиях мусульманские праздники оставались официальными мероприятиями. В частности, в Кабардино-Балкарии приказом местного ЦИК от 25 июня 1925 г, дни празднования Курбан-байрам, 1 и 2 июля 1925 г., объявлялись нерабочими для всех государственных учреждений, предприятий и общественных организаций [1].

В 1930-е гг. фронт наступления власти на ислам на Северном Кавказе расширяется, религиозная политика государства становится бескомпромиссной, в том числе и по отношению к мусульманским праздникам. В условиях индустриализации и коллективизации соблюдение поста, празднование его окончания, принесение в жертву крупного и мелкого скота расценивалось государством как нанесение материального и идеологического ущерба социалистическому обществу. Кроме того, усиливавшееся напряжение борьбы между коммунистами и мусульманским духовенством с точки зрения советской власти трансформировало мусульманские праздники в потенциальные площадки

для антибольшевистской агитации среди населения. В частности, в 1931 г. в сел. Карагач (Кабардино-Балкария) Курбан-байрам в трактовке партийных работников вылился в «массовое антисоветское выступление» [2].

Как отмечает С.С. Дудова, довоенная советская политика деисламизации северокавказских народов не имела полного успеха. Тем не менее, она спровоцировала «окончательную модификацию внутреннего ислама из глобальной идейно-мировоззренческой структуры... в обрядово-ритуальную клерикальную систему», закрепив мусульманскую религию на фольклорном и бытовом уровне [3]. Неслучайно в условиях антиисламской парадигмы религиозные праздники оставались для многих горцев неофициальным, но важным элементом духовной жизни, отражением «народного ислама».

В период Великой Отечественной войны исламский вопрос среди горских народов приобрел особую актуальность летом-осенью 1942 г. Наступая на Северный Кавказ в августе 1942 г., немецко-фашистские войска путем устной и письменной пропаганды декларировали о возрождении свободы вероисповедания среди народов Северного Кавказа, в том числе горских. Это являлось частью «северокавказского эксперимента», оккупационной тактики Третьего рейха, основная цель которой заключалась в быстром и эффективном «умиротворении» местного многонационального населения.

Летом-зимой 1942 г. адыгейцы, балкарцы, кабардинцы, карачаевцы и черкесы, которые, несмотря на жесткую советскую антирелигиозную политику, все еще были ориентированы на ислам, оказались в зоне фашистской оккупации. Общая численность этих этносов по материалам переписи 1939 г. составляла свыше 348 тыс. чел [4]. Северный Кавказ, наряду с Балканами и Крымом, стал одной из крупнейших европейских площадок для «исламского возрождения» под контролем Третьего рейха.

Среди горских народов оккупационные структуры определяли мусульманским праздникам ведущую роль в демонстрации своих «благих намерений», заинтересованности в национальном и религиозном возрождении коренных этносов Северного Кавказа. Аналогичную роль в социально-экономической сфере должно было сыграть празднование отмены колхозного строя в регионе в декабре 1942 г.

Мусульманские праздники использовались оккупантами как каналы распространения антисоветской пропаганды, а также являлись поводами для сбора продукции и ценных вещей. Немцы были осведомлены о традиции кавказского гостеприимства и ожидали от новой политической элиты «радушного приема». «Национальный комитет» Карачая, «национальное представительство» Кабардино-Балкарии, созданные в ходе оккупации горских областей, координировали подготовительные мероприятия.

Их осуществление сопровождалось открытием мечетей, которые демонстративно посещались немецкими военачальниками. Следует отметить, что оккупированное горское население, не погружаясь в сущность политической игры «нового порядка», пользовалось предоставленной религиозной свободой. В период оккупации во многих селения Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии действовало по 2-3 мечети [5].

Правда, немецкая прагматичность нередко порождала противоречия в оккупационной религиозной политике. В частности, мечеть в кабардинском сел. Малка была превращена немцами в конюшню, в сел. Старый Черек – в гараж автоколонны и т.д. [6].

Оккупационные органы распространяли заблаговременно отпечатанные в Германии экземпляры Корана, причем, не только среди горцев, но и среди казаков-мусульман. К примеру, в конце сентября 1942 г. по сообщению профашистской газеты «Пятигорское эхо» на концерте

терских казаков в Пятигорске в «знак дружбы между освобожденными кавказскими народами и германским народом, в конце вечера... представитель Германского военного командования передал представителю ансамбля терских казаков г. Рустамбеку самый маленький в мире экземпляр Корана» [7].

Тем временем согласно мусульманскому календарю месяц поста Рамадан близился к концу. Кисловодск был выбран оккупационной администрацией местом проведения мероприятий, приуроченных к празднику разговения. Здесь 11 октября 1942 г. состоялось празднование Ураза-байрам, ставшее, по словам американского историка А. Даллина, «главным внешним выражением местной оккупационной политики» [8]. Среди немецких участников мероприятия выделялись командующий 1-й танковой армии генерал-полковник Э. фон Клейст, уполномоченный по вопросам Кавказа при группе армии «А» Э. Кестринг и советник по вопросам сельского хозяйства на Северном Кавказе доктор О. Шиллер.

В праздновании, длившемся двое суток, приняли участие делегаты из Кабардино-Балкарии, где на тот момент проходили боевые действия, и оккупационная религиозная политика не могла развернуться в полной мере. После завершения богослужений «немецким гостям» были продемонстрированы искусство стрельбы и рубки лозы, джигитовка, кавказские танцы, а также преподнесены собранные заранее подарки. Э. фон Клейст, в свою очередь, подарил горцам в знак уважения к празднику четыре экземпляра Корана [9].

На рубеже октября-ноября 1942 г. после оккупации всей территории Кабардино-Балкарии штаб 1-й танковой армии, а вместе с ним и центр политики в области ислама на Кавказе, переместился в Нальчик. «Исламское возрождение» на этом участке контролировалось лично генерал-полковником Э. фон Клейстом, а затем вскоре сменившим его в должности командующего 1-й танковой армией генерал-лейтенантом Э.

фон Макензенем. В конце ноября 1942 г. в Ставрополь, где располагался штаб группы армий «А», прибыл уполномоченный рейхсминистерства оккупированных восточных территорий О. Бройтигам. Он подтвердил необходимость проведения тщательно продуманной религиозной политики среди горцев, учитывающей детали обрядовой части и мусульманские праздники [10].

С учетом приближения праздника Курбан-байрам и включения в зону оккупации кабардинских и балкарских районов немецкое командование обязало «национальное представительство» Кабардино-Балкарии и местную гражданскую администрацию ускорить подготовительные мероприятия. Обратимся к дошедшей до наших дней деловой переписке между шефом Нальчикского района и бургомистром сел. Лечинкай.

27 ноября 1942 г. шеф Нальчикского района предписал бургомистру Лечинкай организовать «для проведения праздника (Курбан-байрам – А.Т.) и преподнесения подарков германскому командованию сбор добровольных пожертвований»: бурку, башлык, позолоченные серебряные кинжал и пояс, лошадь с полным комплектом и ряд других ценных предметов, а также 3000 рублей [11].

3 декабря 1942 г. шеф Нальчикского района отправил бургомистру Лечинкай новое письмо с уточнениями: отправить в Нальчик мужчин «подходящих для разноски по столам пищи и чисто одетых в кабардинскую форму», танцоров – мужчин и девушек, – «хорошую и красивую гармонистку»; доставить сладости и фрукты, кур и гусей в очищенном виде, а также сумму денег, оговоренную в предыдущем письме, в районную кассу не позднее 7 декабря. В конце письма районный шеф предупреждал, что «все вышеуказанные расходы на проведение праздника...производятся строго добровольно, и никакого принудительного подхода быть не может» [12].

По приказу районного управления от 8 декабря бургомистру сел. Лечинкай предписывалось организовать сход жителей села от 16 лет и разъяснить им, что сбор подарков должен проходить в *«исключительно добровольном порядке»*, но *«на сознании...духа обязательного исполнения»* (выделено нами – А.Т.) [13].

За два дня до празднования все бургомистры Нальчикского района получили еще один приказ, в котором отмечалось, что наличие в селении муллы и посещение всем взрослым населением богослужений в день «великого праздника Курман» является обязательным [14].

Сами бургомистры также должны были внести свой «вклад» в празднование Курбан-байрам на районном уровне. В Баксанском районе он составлял 150 рублей. Однако, на 11 декабря 1942 г. эту сумма была уплачена в районную кассу только бургомистром сел. Кызбырун III [15].

Просмотр оккупационной документации наводит на мысль о том, что в Кабардино-Балкарии «новый порядок» накануне празднования Курбан-байрам не просто поощрял, но и форсировал возрождение ислама. По рекомендации оккупационных структур в начале декабря 1942 г. в Нальчикском районе вышел приказ, объявлявший пятницу выходным днем для мусульман, а воскресенье – для христиан. Далее в документе отмечалось, что в эти дни «мусульмане *обязаны* (выделено нами – А.Т.) посещать свои мечети, православные свои молитвенные дома и церкви» [16].

Оккупанты, стремясь зарекомендовать себя как истинных сторонников ислама в преддверии Курбан-байрам, порой предпринимали самые необычные меры. В частности, бургомистры Нальчикского района обязывались получить в районных кассах зарплату и выплатить ее к празднику Курбан-байрам всем работникам сельской администрации [17].

В совсем неожиданной степени немецкая педантичность проявилась в приказе шефа Нальчикского района № 0-17 от 8 декабря 1942 г.:

«Доведите до сведения населения, что содержание свиней в кабардинских селениях по мусульманским законам не допускается, примите меры, чтобы имеющиеся свиньи были размещены на окраинах сел и содержались в помещениях» [18].

Курбан-байрам в Кабардино-Балкарии праздновался 18 декабря 1942 г. В мероприятиях в Нальчике приняли участие представители немецкого командования в главе с уполномоченным «восточного министерства» О. Бройтигамом, выступившего с речью, «заверяющей в дружбе и сотрудничестве» [19].

Для «немецких гостей» празднование Курбан-байрам являлось не столько удобной возможностью изъятия ценных предметов и продукции у населения, сколько методом сближения с новой национальной элитой. Как отмечает А. Даллин, «любезности» в период больших торжеств – мусульманских праздников и праздника отмены колхозов – носили обоюдный характер. Правда немецкая сторона, получая важные материальные и политические дивиденды, взамен предлагала местным союзникам лишь ряд туманных обещаний [20].

В день празднования в Нальчике произошло совещание бургомистров и районных шефов Кабардино-Балкарии, был изменен состав местного «национального представительства» и избран новый верховный кади республики. В сценарий проведения мероприятия входил еще один пункт – органы СД вместе с «национальным представительством» и бургомистром Нальчика организовали церемонию захоронения жертв НКВД. В конце декабря 1942 г. этот эпизод был прокомментирован наркомом внутренних дел Кабардино-Балкарии С.И. Филатовым. Последний отмечал, что оккупанты, заняв Нальчик, пустили слух об обнаружении в подвале НКВД трупов служителей религиозных культов. «Никто из жителей (Нальчика – А.Т.) «замученных» родственников не обнаружил», – отмечал С.И. Филатов, – «и тогда, дабы

не провалиться с данной акцией окончательно, немецкие власти организовали торжественные похороны “жертв большевистского террора”, похоронив трупы неизвестных людей на городском рынке» [21].

Как видно, немцы использовали все методы и приемы для превращения праздника жертвоприношения в политическую акцию со сложной и насыщенной программой. События в Нальчике были даже засняты для немецкой кинохроники.

После освобождения предгорий Северного Кавказа в январе 1942 г. отношение партийного руководства горских автономий к религиозной политике оккупантов базировалось на официальной антифашистской идеологии. В советской историографии оккупационная политика в области религии расценивалась как глумление над духовными чувствами населения. При этом за мусульманскими праздниками в 1942 г. на Северном Кавказе закрепились ярлыки «вершины подхалимствующего раболепства перед оккупантами» и «массового антисоветского сборища» [22].

Едва ли можно говорить о широкой популярности среди горского населения оккупационной религиозной политики. Проведению Курбан-байрам предшествовали реквизиции и грабительские акции, причем не только в кабардинских и балкарских селениях – ряд селений Кабардино-Балкарии с русским населением были обложены обязательными поставками продуктов и ценностей в связи с мусульманским праздником [23].

Религиозные праздники стали лишь прикрытием конечных целей Германии, ни одна из которых не основывалась на альтруистических мотивах. Празднование Ураза-байрам и Курбан-байрам в горских областях должно было противопоставить «освободительную миссию» немецкой армии «засилью» советской власти. Однако природа фашистского оккупационного режима, носила не освободительный, а завоевательный и

деструктивный характер. «Новый порядок» на Северном Кавказе, как и в других советских областях, порождал убийства и насилие над местным населением, вне зависимости от его этнической или религиозной принадлежности.

Подобные противоречия между теорией и практикой политики Третьего рейха среди горцев объяснялись отчасти тем, что Северный Кавказ находился под управлением военной администрации. Горские области располагались на южном краю фашистского наступления, в связи с чем плотность войск противника здесь была относительно высокой. В Майкопе в ноябре 1942 г. располагался штаб 44-го армейского корпуса, а численность оккупационных войск составляла 20 тыс. человек, 1/3 довоенного населения города [24]. В декабре 1942 г. в Нальчике, где с ноября располагался штаб 1-й танковой армии, насчитывалось около 13000 немцев и румын, 1/4 довоенного населения столицы Кабардино-Балкарии [25]. В горских селениях нередко располагались оккупационные гарнизоны, исчислявшимися сотнями человек. Обеспечение этих контингентов продовольствием, фуражом, лошадьми, предметами быта тяжелым бременем ложилось на немногочисленное население автономий и зачастую сопровождалось насильственными акциями.

19 сентября 1942 г. Совинформбюро через вечернее сообщение оповестило всю страну об убийствах более 50 мирных жителей, совершенных оккупантами в ходе мародерств в небольшом кабардинском селении Кызбырун за считанные дни оккупации [26].

Этот факт стал известен и в Берлине. В сентябре 1942 г. генерал-квартирмейстер немецкого Генштаба Э. Вагнер отмечал, что в оккупированных горских областях «грабежи продолжаются, несмотря на строгие меры» [27]. В этом же месяце о бесчинствах оккупационных войск в нескольких горских селениях на Тереке и его притоках сообщал М.-Д. фон Штакельберг [28]. К концу пребывания оккупантов (начало января

1943 г. – А.Т.) численность жертв нового режима среди мирного населения горских областей исчислялась тысячами.

В таких условиях исламская политика «нового порядка» не воспринималась горским населением с особым энтузиазмом (за исключением немногочисленных националистических элементов и ярых противников советской власти – А.Т.). Праздничные мероприятия в октябре и в декабре 1942 г. напоминали скорее представления, эффектные, но не имеющие решающих последствий. Очевидно то, что куда большую роль в росте популярности мусульманских праздников сыграло потепление в отношениях между советской властью и исламом 1940-е гг. Так, в 1946 г. только в 10 селениях Кабардино-Балкарии были зафиксированы жертвоприношения 50-60 голов крупного рогатого скота и 100-115 голов мелкого [29].

Фашистская религиозная политика не обеспечила расширение социальной базы для возрождения ислама в горских областях. Как отмечает В.В. Трегубенко, в Ставропольском крае (включавшем Карачаевскую и Черкесскую АО – А.Т.) ислам в послевоенное время был частью духовной жизни главным образом старшего поколения – в праздничные дни мечети посещались группами не чем более в 30 человек, преимущественно стариками [30].

В разгар битвы за Кавказ Берлин заинтересовался возможностью использования исламских праздников в пропаганде и обеспечении дисциплины в частях вермахта, сформированных из мусульман Балканского полуострова и СССР. Одним из первых стал опыт проведения праздника Ураза-байрам 9-10 октября 1942 г. в Мусульманской дивизии вермахта, укомплектованной уроженцами Кавказа и Средней Азии. Мероприятия проходил под личным контролем О. фон Нидермайера, специалиста по Ближнему Востоку и исламу [31]. В период празднования

Курбан-байрам Берлин посетил муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни, встретившийся с кавказскими легионерами 18 декабря 1942 г.

Несмотря на потерю Северного Кавказа в 1943 г. Третий рейх не менял общие принципы религиозной политики среди горцев. Осенью 1943 г. в Берлине начала выходить газета «Газават», распространявшаяся в частях вермахта, укомплектованных северокавказскими мусульманами. В одном из первых номеров газеты описывалось празднование Ураза-байрам в штабе Северо-Кавказского легиона в г. Миргороде (Украина – А.Т.). После проведения намаза в 11 часов дня с участием штатного эфенди был организован праздничный обед, на котором по уже заведенной традиции присутствовали «немецкие гости». Как и в оккупированном Северном Кавказе в 1942 г., в воинских частях в программу праздника включался «национальный» элемент – кавказские танцы и джигитовка [32].

В дни на праздновании Ураза-байрам в военном штабе переформирования мусульманских частей присутствовал руководитель кавказского отдела имперского министерства восточных территорий Г. фон Менде [33].

8 декабря 1943 г., в день празднования Курбан-байрам, в номере «Газавата» была опубликована статья кади Северо-Кавказского легиона, где отмечалось: «Этот великий праздник запрещен в Советском Союзе, где управляют иудо-большевики. Мы легионеры-магометане...знаем, как встречали этот великий праздник в Советском Союзе и видели, как его празднуют здесь. Каждый мусульманин может выполнять в Германии свои религиозные обычаи и обряды...Несмотря на то, что мы находимся на военном положении, *нам даны все условия для встречи этого великого праздника* (выделено нами – А.Т.)» [34].

В праздничные дни мусульмане освобождались от несения службы не только в лагерях, но и в зоне боевых действий, если позволяла фронтовая обстановка. В сентябре 1944 г. с одобрения генерала СС Г.

Бергера весь состав 1-го Восточно-мусульманского полка СС был снят с линии фронта для празднования Ураза-байрам [35].

В 1944 г. в связи с увеличением дезертирства кавказцев из частей вермахта и неутешительными для стран Оси событиями на Восточном фронте, религиозные эксперименты в вермахте утратили прежнюю актуальность. Тем не менее, педантичные немцы не отходили от намеченной «программы», и осенью 1944 г. в мусульманских частях вермахта в третий раз было организовано празднование Ураза-байрам и Курбан-байрам. Правда, оно оказалось и последним – к следующей осени Третий рейх был уже повержен.

В период немецко-фашистской оккупации Северного Кавказа ислам являлся весомым политическим фактором. Учитывая конфронтацию советской власти и религии в 1920-1930-х гг. оккупанты, декламировали освободительный характер своей миссии, проводили политику религиозного возрождения. Основным «проектом» в этой сфере стало тщательно организованное проведение исламских праздников в горских областях в октябре и декабре 1942 г. и в мусульманских частях вермахта в 1942-1944 гг. Для «нового порядка» Ураза-Байрам и Курбан-байрам стали одними из главных инструментов «завоевания симпатий» горцев и достижения своих политических и утилитарно-прагматических целей. Однако деструктивный характер оккупационного режима и циничность фашистских замыслов обусловили крах «северокавказского эксперимента», а вместе с ним и стратегии использования мусульманской религии и ее обрядовой части.

Список литературы

1. Религии и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии. Сборник документов и материалов. / Под ред. А.Х. Карова. Нальчик, 2008. С. 76.
2. Там же. С. 78.

3. Дудова С.С. Ислам у народов Карачаево-Черкесии: традиции, современное состояние, тенденции развития. Автореферат кандидатской диссертации. Карачаевск, 2005. С. 15-16.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю. А. Поляков и др. М., 1992. С. 59-60, 66.
5. Религии и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии... С.86; Трегубенко В.В. Положение мусульманских религиозных общин на Ставрополье и Кубани в 1945 – начале 1960-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Выпуск № 9. 2011. С. 121.
6. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Отв. ред. М.Х. Шекихачев. Нальчик, 1975. С. 243.
7. Пятигорское эхо. № 29. 20 сентября 1942 г. С. 3.
8. Dallin. A German Rule in Russia, 1941-1945: A Study of Occupation Policies. London, 1957. P. 246.
9. Попутько А., Христинин Ю. Именем ВЧК. Ставрополь, 1982. С. 290-291.
10. Motadel D. Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, Massachusetts. 2014. P. 139.
11. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее ЦГА КБР). Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12. Л. 2-2 об.
12. Там же. Л. 12-12 об.
13. Там же. Л. 14.
14. ЦГА Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.
15. ЦГА Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
16. ЦГА Ф. Р-290. Оп. 1. О. 12. Л. 11.
17. Там же. Л. 22.
18. Там же. Л. 14 об.
19. Trigg J. Hitler's Jihadis: Muslim Volunteers of the Waffen-SS. Stroud, 2008. P. 40.
20. Dallin. A Op. cit. P. 247.
21. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦДНИ КБР). Ф. 45. Оп. 1. Д. 7. Л. 137 об.
22. Попутько А., Христинин Ю. Указ. соч. С. 289; Чекисты Кабардино-Балкарии / Гл. ред. А.Ж. Губашиев. Нальчик, 1987. С. 102.
23. Давыдов И.В. Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Нальчик, 1961. С. 84.
24. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 270.
25. ЦДНИ КБР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7. Л. 137.
26. Сообщения Советского Информбюро. Т. 3 (июль-декабрь 1942 года). М. 1944. С. 187.
27. Zeidler M. Das „Kaukasische Experiment" // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2005. Heft 3. S. 497.
28. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. К.М. Александров. СПб, 2011. С. 467.
29. Религии и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии... С. 87.
30. Трегубенко В. В. Указ. соч. С. 123.
31. Motadel D. Op. cit. P. 253-254.
32. Газават. № 36. 20 октября 1943 г. С. 8.
33. Motadel D. Op. cit. P. 254.

34. Газават. № 43. 8 декабря 1942 г. С. 2.
 35. Motadel D. Op. cit. P. 255.

References

1. Religii i gosudarstvenno-konfessional'nye otnoshenija v sovremennoj Kabardino-Balkarii. Sbornik dokumentov i materialov / Pod red. A.Kh. Karova. Nal'chik, 2008. P. 76.
2. Ibid. P. 78.
3. Dudova S.S. Islam u narodov Karachaevo-Cherkessii: tradicii, sovremennoe sostojanie, tendencii razvitiya. Avtoreferat kandidatskoj dissertacii. Karachaevsk, 2005. P. 15-16.
4. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda: osnovnye itogi / Sost. Ju. A. Poljakov i dr. M., 1992. P. 59-60, 66.
5. Religii i gosudarstvenno-konfessional'nye otnoshenija v sovremennoj Kabardino-Balkarii... P. 86; Tregubenko V.V. Polozhenie musul'manskikh religioznykh obshhin na Stavropol'e i Kubani v 1945 – nachale 1960-h gg. // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij. No. 9. 2011. P. 121.
6. Kabardino-Balkarija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Sbornik dokumentov i materialov. / Otv. red. M.Kh. Shekikhachev. Nal'chik, 1975. P. 243.
7. Pjatigorskoe jekho. No 29. September 20, 1942. P. 3.
8. Dallin A. German Rule in Russia, 1941-1945: A Study of Occupation Policies. London, 1957. P. 246.
9. Poput'ko A., Khristinin Ju. Imenem VChK. Stavropol', 1982. P. 290-291.
10. Motadel D. Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, Massachusetts, 2014. P. 139.
11. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliky. [Central State Archives of Kabardino-Balkarian Republic] (hereinafter CGA KBR). F. R-290. Op. 1. D. 12. L. 2-2 ob.
12. Ibid. L. 12-12 ob.
13. Ibid. L. 14.
14. CGA KBR. F. R-290. Op. 1. D. 6. L. 6.
15. CGA KBR. F. R-290. Op. 1. D. 8. L. 17.
16. CGA KBR. F. R-290. Op. 1. D. 12. L. 11.
17. Ibid. L. 22.
18. Ibid. L. 14 ob.
19. Trigg J. Hitler's Jihadis: Muslim Volunteers of the Waffen-SS. Stroud, 2008. P. 40.
20. Dallin. A German Rule in Russia, 1941-1945: A Study of Occupation Policies. London, 1957. P. 247.
21. Centr dokumentacii novejshej istorii Kabardino-Balkarskoj Respubliki. [Documentation Center of the Modern History of Kabardino-Balkarian Republic] (hereinafter CDNI KBR). F. 45. Op. 1. D. 7. L. 137 ob.
22. Poput'ko A., Khristinin Ju. Op. cit. P. 289; Chekisty Kabardino-Balkarii / Gl. red. A.Zh. Gubashiev. Nal'chik, 1987. P. 102.
23. Davydov I.V. Partijnaja organizacija Kabardino-Balkarii v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. Nal'chik, 1961. P. 84.
24. Bezugol'nyj A.Ju., Bugaj N.F., Krinko E.F. Gorcy Severnogo Kavkaza v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedenija. M., 2012. P. 270.
25. CDNI KBR. F. 45. Op. 1. D. 7. L. 137.

26. Soobshhenija Sovetskogo Informbjuro. T. 3 (ijul'-dekabr' 1942 goda). M. 1944. P. 187.
27. Zeidler M. Das „Kaukasische Experiment“ // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2005. Heft 3. S. 497.
28. Pod nemcami. Vospominanija, svidetel'stva, dokumenty. Istoriko-dokumental'nyj sbornik / Sost. K.M. Aleksandrov. SPb, 2011. P. 467.
29. Religii i gosudarstvenno-konfessional'nye otnoshenija v sovremennoj Kabardino-Balkarii... P. 87.
30. Tregubenko V.V. Op. cit. P. 123.
31. Motadel Op. cit. P. 253-254.
32. Gazavat. No. 36. October 20, 1943. P. 8.
33. Motadel D. Op. cit. P. 254.
34. Gazavat. No. 43. December 8, 1942. P. 2.
35. Motadel D. Op. cit. P. 255.